

О. В. Орлова, Е. Ю. Сластина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТОМСКОЙ РОК-ПОЭЗИИ: ВРЕМЯ И СОЦИУМ В СТИХОТВОРЕНИИ ПАНК-ПОЭТА В. ШЕСТАКОВА «ДЕТИ ФИНАЛА»¹

С целью описания лингвокультурного своеобразия томской рок-поэзии рассматривается стихотворение лидера томского рока конца 1980 – начала 1990-х гг. В. Шестакова. Дискурс поэта осмыслен в аспекте отражения в нем субкультуры сибирского панка. Зародившись в перестроечные годы, сибирский панк запечатлел в поэтических текстах собственное трагическое видение социальной реальности СССР переходного периода и четко обозначил протест против официальной идеологии и власти. Ярким примером томской версии сибирского панка стало творчество группы «Дети Обруба» и ее лидера Виктора Шестакова, в поэзии которого воплотились такие черты, как гипертрофированный нигилизм, пессимизм, неконформизм, а также острая социальная направленность. Эти черты, свойственные субкультуре сибирского панка в целом, обретают оригинальное преломление в эстетическом осмыслении образов времени и социума томским рок-поэтом.

Ключевые слова: региональная рок-поэзия, творческая языковая личность, субкультура сибирского панка.

В последнее время исследовательская оптика отечественной лингвокультурологии претерпевает значительные изменения в сторону приоритета динамического, эволюционного подхода. Если традиционному лингвокультурологическому исследованию, выполненному в рамках традиционного статического подхода, присущ универсалистский принцип, позволяющий выявить и описать устойчивые инварианты укорененных в национальной лингвокультуре констант (образцовый пример этого подхода – широко известный словарь Ю. С. Степанова), то динамический подход позволяет определять хронологически отмеченные социомоделирующие и культуроформирующие эффекты, порождаемые различными дискурсивными практиками в их принципиальной поликодности и вариативности. Очевидность факта сложной многослойности национального культурного единства, складывающегося, по сути, из бесконечного множества региональных, религиозных, профессиональных и т. д. субкультур, стимулирует интерес лингвистов к изучению различных версий языкового существования общества [1–3].

В русле указанной тенденции выполнены многие работы томских ученых, описывающих разнообразие лингвокультурного ландшафта региона [4–8]. Данная статья создана в рамках исследовательского проекта «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность», нацеленного на комплексное описание специфики вербального воплощения различных культурных кодов в дискурсе творческих языковых личностей Томской области как представителей самобытного ментально-языкового локуса. Одной из ярких субкультур, получивших своеобразное «томское преломление» в конце 80 – начале 90-х гг.

прошлого столетия, стала субкультура сибирского панка [9, 10].

Выявление и описание ассоциативных связей являются подтверждением гипотез о функционировании тех или иных когнитивных и лингвокультурных моделей. Р. М. Фрумкина говорит о том, что феномен ассоциативной связи определен «именно культурой во всем ее многообразии, всеми знаниями, опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. Изучая ассоциации, мы апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою психики» [11, с. 146]. Данный факт дает нам право говорить о том, что, изучая ассоциативные связи в поэтическом тексте, мы изучаем подсознание языковой личности, в котором актуализируются различные представления об обозначаемых словами явлениях.

Тексты, впитавшие в себя мировидение их авторов – представителей томской панк-культуры, являются лингвокультурологической ценностью, поскольку они позволяют нам сквозь призму авторского сознания и присущих ему ассоциативных сцеплений воспринимать и анализировать языковые, культурные и исторические реалии конца 80 – начала 90-х гг.

Отличительной чертой субкультуры сибирского панка является острая социально-политическая направленность. В текстах песен и стихотворений авторы критикуют власть, осуждают социум за безвольность и инертность. В этом отношении яркой иллюстрацией острой критики социума представляется стихотворение лидера группы «Дети Обруба» Виктора Шестакова под названием «Дети финала», опубликованное на странице группы в социальной сети «ВКонтакте» [12].

Данный текст представляет собой обращение лирического героя к так называемым *детям фина-*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-14-70003 «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность».

ла. Думается, *детьми финала* автор называет общество СССР конца 80-х годов XX в. – времени создания стихотворения. Метафора *дети финала* (подразумеваем: социум) рефреном проходит через весь текст стихотворения, тем самым выводя на поверхность тему лживости окружающего социума и идею личного противостояния его диктату.

Примечательна сама развернутая метафора социума, представленная в данном произведении, так как она выражает сущность восприятия автором своего времени. Иными словами, В. Шестаков воспринимает время, в котором он живет, как некий финал – завершающий этап развития государства. Полагаем, поэт не видел позитивной перспективы в будущем своей страны [9, 10].

Таким образом, в данном тексте можем выделить ядро ассоциативного поля – словосочетание *дети финала* (оно служит названием произведения и его начальными словами), служащее стимулом для разветвленного ассоциирования:

*Дети финала, темной рожденные,
В тесный костюмчик с детства одетые,
Маршем похоронным возбужденные,
Слюнявой лирикой не воспетые.
Вы – оскома во рту
Ваших богов, не верящих в Бога!
Вы – оскома ваших богов!*

Вокруг ядра нанизываются построенные по принципу синтаксического параллелизма полупредикативные структуры – ассоциаты, характеризующие социум как глобальный континуум всех его членов, то есть *детей финала: темной рожденные, в тесный костюмчик одетые, маршем похоронным возбужденные, слюнявой лирикой не воспетые, крестом пятиконечным вы крещенные, водочкой горькою омытые, дубинкой резиновой благословленные, отцами великими давно позабытые, лаем наганов перепуганные, углами сырыми согретые, стонами девственниц воспитанные, лозунгами липкими прикрытые.*

Выразительные возможности причастных оборотов и приема их нанизывания [13, 14] в анализируемом тексте заслуживают отдельного внимания. Во-первых, «причастие стирает до известной степени признак глагола как действия и выдвигает в нем признаки постоянства» [13, с. 758], что позволяет «создавать эффект „застывшего“ движения» [14, с. 50]. Причем использование причастий прошедшего времени указывает на то, «что действие завершилось в определенный момент и уже нет возможности что-либо изменить» [13, с. 758–759].

Как видим, в нанизываемых грамматически гомогенных конструкциях, большинство из которых состоят из страдательных причастий прошедшего

времени, управляющих существительными в творительном падеже, причастия актуализируют семантику фатальной необратимости, что символизирует своеобразный безапелляционный приговор автора его современникам, *темной рожденным, водочкой горькою омытым, дубинкой резиновой благословленным* и т. д., современникам, окончательно раздавленным государственным насилием и не способным к нравственным изменениям.

Во-вторых, семантически значимой является залоговая приуроченность. Думается, что заключения Л. Г. Панина о кратких страдательных причастиях в русском языке как выразителях «состояния в результате совершенности действия, направленного на субъект», которым «страдательность имманентна» [15, с. 29], вполне приложимы и к полным формам. Символизм внутренней формы термина *страдательный* максимально «оживляется» в рассматриваемом поэтическом контексте. Впрочем, актуализируется здесь и прямое значение терминологического синонима атрибутива *страдательный* – *пассивный*. *Лаем наганов перепуганные, углами сырыми согретые* выступают «пассивными страдальцами» в результате «совершенности действия», направленного на них.

Автор поэтических строк воспринимает социум как некую бездеятельную и безвольную субстанцию, униженную злой всеподавляющей силой власти.

В этом отношении интересно сочетание *маршем похоронным возбужденные*. Здесь мы видим явную отсылку к происходившим под звуки похоронного марша Шопена буквально друг за другом в 1980-е похоронам глав СССР Брежнева, Андропова, Черненко. Автор намекает на то, что после эпохи безвременья, застоя люди ждали чего-то нового, «возбуждились» в ожидании перемен, однако возбуждение это было бессмысленным, ожидания, по мнению автора, не оправдались. В данном случае следует говорить о «социальной и... интеллектуальной „пассивности“ индивида», порожденной эпохой 70-х, общество которой «увязывало эту пассивность не столько с последствиями индивидуального выбора в пользу инертности существования, сколько с искусственно преувеличенной ролью государства в общественной жизни» [16]. И автор отражает эту пассивность, максимально обнажает цинизм и лицемерие, господствовавшие тогда в отношениях государства и общества.

В-третьих, в данном тексте наглядно проявлена неоднократно подчеркиваемая исследователями продуктивность приема нагнетания причастий, «которые иррадируют экспрессию» [13, с. 759]. По мере развертывания в тексте 12 однотипных причастных конструкций (4 в каждом из трех куплетов, которые венчает восклицание: *Вы – оскома*

во рту ваших богов, не верящих в Бога!) нарастет эмоциональная тональность тотальной мрачности, безысходности, скепсиса. Необходимо отметить, что текст построен по типичной песенной модели «куплет – припев», однако факта музыкального исполнения произведения мы не обнаружили.

Наконец, в-четвертых, немаловажную роль в создании экспрессивно-стилистической атмосферы стихотворения играет традиционная, заимствованная из старославянского языка стилистическая функция причастий как атрибутов книжной речи о серьезных высоких материях. Эта функция, интуитивно опознаваемая языковым сознанием читателя, наряду с использованием устаревшего *оскома* (как известно, изначально слово обозначало скорбь, тоску, томление, потом – нытье в зубах) и сакрального *Бог*, создает общий пресуппозиционный фон для реализации основного стилистического приема построения текста – приема контраста.

Так, *пятиконечный крест* – почти оксюморонное словосочетание, поскольку крест по определению не может быть пятиконечным, вызывает ассоциации с символом коммунистического движения и советской власти – пятиконечной звездой. Автор намеренно смешивает сакральное и профанное, тем самым обнажая абсурдность, вздорность происходящего.

Семантика лжи и лицемерия по отношению к народу со стороны власти просматривается и в строках *стонами девственниц воспитаны, дубинкой резиновой благословенные, отцами великими позабытые, углями сырыми согретые*. Контекстная антонимия в данном случае позволяет создать эффект абсурдности: автор каждым словом подчеркивает лживость и ложность социального устройства той эпохи.

Таким образом, посредством резкого контраста сакрального и профанного, присутствующего в каждом лексическом компоненте ассоциативного поля текста, ядром которого является словосочетание *дети финала*, автор выражает идею абсурдности происходящего, инертности общественных масс и ограниченности ценностных воззрений социальными и идеологическими взглядами, которые насильно навязывались всем и каждому. Стоит также отметить, что сам автор категорически не принимает отношения между народом и властью, он демонстративно противопоставляет себя пассивному большинству, утверждая свое право на индиви-

дуальную свободу, для чего в тексте использует местоимение *вы* в качестве обращения-вызова.

Отдельного комментирования заслуживает финальная строчка каждого из трех куплетов – восклицание *Вы – оскома во рту ваших богов, не верящих в Бога!* Данная фраза может быть поделена на две смысловых ступени: первая – выражение отношения автора к социуму, которое играет на актуализацию смысла униженности и пассивности общества. Пассивности, которой, по мысли автора, нет оправдания (*вы – оскома ваших богов*); вторая – выражение отношения к лицемерной безнравственной власти (*боги, не верящие в Бога*).

Здесь также наблюдаем резкий контраст сакрального и профанного в выражении ключевой идеи стихотворения. Автор актуализирует смысл равнодушного и уничижительного презрения власти к народу через контрастное соположение значений одного слова: *боги* (видимо, употребление во множественном числе и написание с маленькой буквы здесь дает основания говорить о ложных языческих богах) и *Бог* (единый, истинный). Данным сочетанием автор выражает мысль о том, что народ, социум – надоевший инертный материал (*оскома во рту*), который, в свою очередь, сам обожествляет власть, покорно отдавая ей роль языческих богов – роль рокового вершителя судеб.

Выражением *боги, не верящие в Бога* автор окончательно диагностирует безнравственную сущность государства. Сам В. Шестаков об отношении к религии в 80-х говорит: «Мы развращены 70 годами уничтожения религии, глумлением над православием, католичеством, исламом, иудаизмом...» [17]. Этот факт снова отсылает нас к реалиям советской эпохи, когда вера в Бога искоренялась, происходила подмена ценностей, «обесчеловечивание» человека.

Таким образом, стилистический и лингвокультурологический анализ стихотворения В. Шестакова позволяет говорить о своеобразном воплощении в его творчестве таких ключевых характеристик субкультуры сибирского панка, как обостренный социально-политический протест, осуждение общественной пассивности и утверждение свободы личности. Поэтически осмысляя языковые, исторические и культурные реалии советской и позднесоветской эпохи, автор фиксирует восприятие времени и социума, свойственное общественному сознанию неформальной томской молодежи конца 1980-х.

Список литературы

1. Шевченко О. В. Молодежная субкультура как объект лингвокультурологических исследований // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 241–249.
2. Андреев В. К. Особенности лексической номинации в языке российских байкеров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 37–39.

3. Лисовская Я. Н. Вербализация концепта «эмиграция» в лингвокультуре русских переселенцев США (на материале художественных текстов начала XXI века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2010. 18 с.
4. Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. «Что такое хорошо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 12–23.
5. Гынгазова Л. Г., Иванцова Е. В. «Что такое плохо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 5–18.
6. Резанова З. И. Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // Язык и культура. 2010. № 1. С. 74–84.
7. Мишанкина Н. А. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта // Вестн. Томского гос. ун-та. 2014. № 389. С. 28–37.
8. Орлова О. В. Специфика реализации медиаконцепта *нефть* в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1. С. 232–236.
9. Орлова О. В. «Крыша едет» томского панк-поэта В. Шестакова как факт региональной лингвокультуры эпохи перестройки // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. Бийск, 2014. С. 197–201.
10. Орлова О. В., Сластина Е. Ю. Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творчество томского рок-поэта В. Шестакова в контексте субкультуры сибирского панка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 10. С. 174–177.
11. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
12. Дети Обруба. URL: <https://vk.com/club10916407> (дата обращения: 12.10.2014).
13. Кузнецова Н. Н. Выразительные возможности глагольных форм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (3). С. 756–763.
14. Муратова Е. Ю. Специфика функционирования причастия в поэтическом тексте // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1 (25). С. 48–52.
15. Панин Л. Г. О формах русского залога // Грамматическая и семантическая структура слова в языках народов Сибири. Новосибирск, 1988. С. 24–34.
16. Чечель И. Памяти перестройки // Интернет-журнал «Гэфтер». 2013: URL: <http://gefter.ru/archive/8927> (дата обращения: 12.10.2014).
17. Шестаков В. Я – часть России здесь // Времена. 2004. Декабрь: URL: <http://timeua.info/011204/shestakov.html>

Орлова О. В., доктор филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Сластина Е. Ю., студент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: lenko1994s@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2015.

O. V. Orlova, E. Yu. Slastina

LINGVO-CULTURAL ORIGINALITY OF TOMSK ROCK POETRY: TIME AND SOCIETY IN THE POEM “CHILDREN OF FINAL” BY PUNK POET V. SHESTAKOV

The poem of the Tomsk rock leader of the late 1980s – early 1990s V. Shestakov is considered in the given article in order to describe the lingvo-cultural originality of the regional rock poetry. The poet’s discourse is seen in the aspect of the reflection of Siberian punk subculture in it. Born in the years of perestroika, the Siberian punk embodied in poetic texts own tragic vision of the social reality of the USSR in transition and clearly outlined protest not only against the official ideology, but also against the absurdity of the world order as a whole. A striking example of Tomsk Siberian punk version was the creation of the group “Children of Obrub” and its leader Viktor Shestakov, in whose poetry such traits as hypertrophic nihilism, pessimism, nonconformism, and acute social orientation are embodied. These features are characteristic of Siberian punk subculture as a whole, they originally refracted in images of time and society of Tomsk rock poet.

Key words: *regional rock poetry, creative linguistic personality, Siberian punk subculture.*

References

1. Shevchenko O. V. Molodezhnaya subkultura kak ob'ekt lingvokulturologicheskikh issledovaniy [Subculture as an object of linguo-cultural research]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Proceedings of Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen*, 2009, no. 114, pp. 241–248 (in Russian).
2. Andreev V. K. Osobennosti leksicheskoy nominatsii v yazyike rossiyskikh baykerov [Features of lexical category in Russian bikers language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and practice*, 2009, no. 2, pp. 37–39 (in Russian).
3. Lisovskaya Ya. N. Verbalizatsiya kontsepta "emigratsiya" v lingvokulture russkikh pereselentsev SShA (na materiale hudozhestvennykh tekstov nachala XXI veka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Verbalization of the concept "emigration" in linguistic culture of Russian USA immigrants (based on literary texts of the beginning of the XXI century). Abstract of dis. cand. philol. sci]. *Elets*, 2010. 18 p. (in Russian).
4. Gyngazova L. G., Ivantsova Ye. V. "Chto takoe horosho..." v predstavlenii nositelya traditsionnoy narodno-rechevoy kultury ["What is good..." by traditional folk speech culture representative]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 12–23 (in Russian).
5. Gyngazova L. G., Ivantsova Ye. V. "Chto takoe ploho..." v predstavlenii nositelya traditsionnoy narodno-rechevoy kultury ["What is bad..." by traditional folk speech culture representative]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2013, no. 4 (24), pp. 5–18 (in Russian).
6. Rezanova Z. I. Mifologema "Tomsk – Sibirskie Afiny" v kommunikativnykh taktikakh publitsisticheskogo diskursa (na materiale ezhenedelnoy periodiki g. Tomsk) [Mythological representation of "Tomsk – Siberian Athens" in communicative tactics of publicistic discourse (on the material of Tomsk weekly periodicals)]. *Yazyk i kultura – Language and Culture*, 2010, no. 1, pp. 74–84 (in Russian).
7. Mishankina N. A. Lingvisticheskiy korpus "Tomskiy regionalnyy tekst": teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie proekta [Linguistic corpus «Tomsk regional text»: theoretical and methodological background of the project]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 389, pp. 28–37 (in Russian).
8. Orlova O. V. Spetsifika realizatsii mediakontsepta *neft* v diskurse maloy pressy Tomskoy oblasti (na primere gazety "Naryimskiy vestnik") [Specificity of realization of media concept oil in the discourse of the small print press of the Tomsk region (on the newspaper example the Narymsky Bulletin)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 1, pp. 232–236 (in Russian).
9. Orlova O. V. «Krysha edet» tomskogo pank-poeta V. Shestakova kak fakt regionalnoy lingvokultury epohi perestroyki ["The roof goes" by Tomsk punk poet V. Shestakov as a factor of regional linguistic culture of perestroika]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznaviya: sbornik nauchnykh statey – General theoretical and typological linguistics problems: a collection of scientific articles*, Biysk, 2014, pp. 197–201 (in Russian).
10. Orlova O. V., Slastina E. Yu. Lingvokulturnoe svoeobrazie regionalnoy infosfery: tvorchestvo tomskogo rok-poeta V. Shestakova v kontekste subkultury sibirskogo panka [Linguo-cultural originality of the regional infosphere: creative works of Tomsk rock poet V. Shestakov in the context of the siberian punk subculture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 10 (151), pp. 174–177 (in Russian).
11. Frumkina R. M. *Psiholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 320 p. (in Russian).
12. *Deti Obruba* [Children of Obrub]. URL: <https://vk.com/club10916407> (Accessed: 12 November 2014) (in Russian).
13. Kuznetsova N. N. Vyrzitelnye vozmozhnosti glagolnykh form [The expressive possibilities of verb forms]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2009, Vol. 11, no. 4 (3), pp. 756–763 (in Russian).
14. Muratova E. Yu. Spetsifika funktsionirovaniya prichastiya v poeticheskom tekste [Specificity of functioning of participle in the poetic text]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Bulletin of Perm university. Russian and foreign philology*, 2014, no. 1 (25), pp. 48–52 (in Russian).
15. Panin L. G. O formakh russkogo zaloga [On the forms of Russian voice]. *Grammaticheskaya i semanticheskaya struktura slova v yazykakh narodov Sibiri – Russian grammatical and semantic structure of the word in the languages of the peoples of Siberia*. Novosibirsk, 1988, pp. 24–34 (in Russian).
16. Chechel I. Pamyati perestroyki [In memory of Perestroika]. *Internet-zhurnal "Gefter" – Internet magazine "Hefter"*, 2013: URL: <http://gefter.ru/archive/8927> (Accessed: 12 November 2014) (in Russian).
17. Shestakov V. Ya – chast Rossii zdes [I am a part of Russia here]. *Vremena – Times*, 2004, December: URL: <http://timeua.info/011204/shestakov.html> (Accessed: 12 November 2014) (in Russian).

Orlova O. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Slastina E. Ju.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: lenko1994s@mail.ru